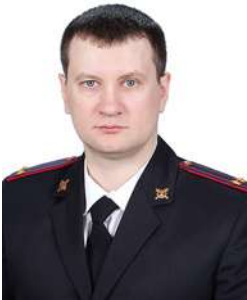

УДК 343.19

Алексей Борисович Судницын,
начальник кафедры уголовного процесса Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
ab_sudnitsyn@mail.ru

ВЕРОЯТНОСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

THE POSSIBILITY OF CIRCUMSTANCES BEING THE REASON FOR CHOOSING AND IMPOSING MEASURES OF RESTRAINT

В статье на основе анализа трудов ученых-процессуалистов, норм закона, следственной и судебной практики, в том числе Европейского суда по правам человека, рассмотрены неоднозначно трактуемые в теории и правоприменительной деятельности вопросы, касающиеся превентивного характера мер пресечения. Обозначен подход, который предложено использовать при определении вероятности обстоятельств, вывод о возможности наступления которых является основанием для применения меры пресечения. Предложены рекомендации правоприменителям в части учета тяжести совершенного преступления на начальном этапе производства по делу при оценке вероятности наступления негативных последствий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

The article considers the issues of preventive character of measures of restraint that are being ambiguously interpreted in theory and practice of law enforcement based on the analysis of research studies in Procedural Law, legal norms, investigation and court practice including that of the European Court of Human Rights. The approach is suggested to determine the possibility of circumstances and the conclusion of possible occurrence of these circumstances is the reason for imposing measures of restraint. Some recommendations concerning taking into account the seriousness of the crime committed at the initial stage of legal proceedings while assessing the possibility of occurrence of negative consequences listed in Subsec 1 Part 1 of Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are suggested for law enforcers.

Ключевые слова: достаточность оснований, степень вероятности, превентивный потенциал мер пресечения, избрание мер пресечения, тяжесть преступления, лишение свободы на длительный срок, первоначальный этап расследования.

Keywords: sufficiency of the grounds, degree of possibility, preventive potential of measures of restraint, choosing measures of restraint, seriousness of crime, long-term deprivation of liberty, initial stage of investigation.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает систему правовых предпосылок для решения вопроса об избрании и применении мер пресечения. Однако данную регламентацию невозможно назвать исчерпывающей. Это связано в том числе с использованием оценочных категорий. Отсутствие в законе детальных установок по ряду правовых категорий, в частности вероятности обстоятельств, являющихся основанием для избрания и применения мер пресечения, а также единства

мнений по их толкованию усложняет правоприменение. Встречающиеся случаи отказа в удовлетворении ходатайств об избрании мер пресечения, признания избранных мер пресечения незаконными и последующей отмены принятых решений подтверждают этот тезис и определяют актуальность рассмотренного аспекта, вынесенного в заглавие статьи.

При формулировании основания для избрания мер пресечения (ст. 97 УПК РФ) законодателем использована конструкция, носящая вероятностный характер. Возмож-

ность воспрепятствования производству по делу со стороны обвиняемого и ответная реакция следователя в виде избрания меры пресечения подчеркивают превентивный потенциал мер пресечения. Однако отдельные ученые-процессуалисты полагают, что основанием применения мер процессуального пресечения является уже имеющееся ненадлежащее поведение, в том числе несоблюдение процессуальных обязанностей. [10, с. 33-34; 14, с. 24; 18, с. 22-25] Таким образом, указанными авторами исключается применение мер принуждения при наличии оснований полагать, что может быть оказано противодействие судопроизводству.

Рядом процессуалистов данная позиция была подвергнута критике. [2, с. 73-74; 19, с. 20; 20, с. 8]. Указанный абзацем выше подход, с нашей точки зрения, неоправданно узок и не соответствует целям мер уголовно-процессуального пресечения, поскольку лишает уголовный процесс средств противодействия потенциальному воздействию и обрекает на принятие обеспечительных мер лишь по факту ненадлежащего поведения обвиняемого.

С оригинальным мнением в свое время выступил В.Д. Ардашкин, предложивший считать основанием превентивного принуждения презумпции, то есть юридические предположения о возможности общественно вредного поведения. [1, с. 36] Однако необходимо помнить, что презумпции – это предположения, не требующие доказательств. Для применения же мер принуждения необходимо доказать наличие конкретных фактов, подтверждающих возможность ненадлежащего поведения лица. Предложенный В.Д. Ардашкиным подход стирает грань между вероятностью значимого с правовой точки зрения обстоятельства и необходимостью обоснования его наличия.

Наиболее предпочтительна точка зрения, согласно которой основания применения мер пресечения выражаются через обоснованные обстоятельства вероятностного характера. [16, с. 53]

Как верно отмечает Н.А. Колоколов, избрание меры пресечения следует признать своевременным, законным и обоснованным,

если таковая предотвратила саму возможность угрозы потерпевшему, а не пресекает уже высказанные и тем более осуществленные угрозы. Более того, закон предписывает уполномоченным на то должностным лицам и органам предвидеть возможные последствия несвоевременного применения мер пресечения к лицу, обвиняемому в совершении преступления. [12, с. 52-53]

Приведем стандартный пример использования в судебной практике обоснованных обстоятельств вероятностного характера при избрании меры пресечения. Так, адвокату, инициировавшему пересмотр с целью отмены решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отказала, поскольку по делу была установлена возможность вмешательства Ш. в формирование доказательств – документов, предоставляемых инспекцией ФНС России. [12, с. 53]

Следует подчеркнуть, что большинство ученых и практиков придерживаются мнения о достаточности данных, свидетельствующих о вероятности обстоятельств, являющихся основаниями для избрания мер пресечения. При этом данные, обуславливающие эту вероятность, должны быть установлены достоверно. [3, с. 27-28; 13, с. 10; 19, с. 20; 20, с. 8]

Если говорить о степени вероятности ненадлежащего поведения, достаточной для решения вопроса об избрании меры пресечения, то «программой-максимум» будет являться абсолютная вероятность, то есть такая степень, при которой наличие достаточных данных позволяет сделать вывод о том, что обвиняемый скроется или совершит другие противоправные действия, если к нему не будет применена мера пресечения. [6, с. 12] «Достижение такого уровня уверенности практически невозможно либо сопряжено с риском несвоевременного принятия решения, поэтому верно понимание вероятности как характеристики будущего события, абсолютную достоверность наступления которого невозможно установить». [16, с. 53]

Приведенное понимание вероятности основывается на двух взаимосвязанных поло-

жениях. Первое: вероятность того или иного события не определяет обязательного его наступления. Второе: обращение к категории «вероятность» может быть только тогда, когда невозможно установить бесспорную связь между имеющимися условиями и будущим событием до того момента, пока она не будет установлена (устранены или опровергнуты все известные причины невозможности наступления события, вероятность которого оценивается)¹.

Приведенные размышления могут быть продемонстрированы следующим примером. «Заявление о вероятности победы над противником в футбольном матче не может считаться обоснованным, а его достоверность сомнительна, если такой вывод сделан только исходя из анализа собственных сил без сравнения их с силами противника. Установив соотношение сил, приняв во внимание иные факторы и обоснованно определив, что шанс на победу в матче имеется, следует говорить о том, что заявление о вероятности победы обоснованно. Выяснив, что команда противника состоит из игроков с низким уровнем игровой квалификации, а собственная команда – из профессионалов, учитывая и иные весомые для победы обстоятельства, следует говорить не о вероятности победы, а об ее закономерности». [16, с. 54]

Представим, все условия, важные для решения, приняты во внимание, но их совокупность не позволяет утверждать о достоверности будущего события. Невозможность достижения абсолютной достоверности компенсируется тем, что доказыванию подлежит не само обстоятельство, а возможность его наступления. Возникающую проблему оценки достоверности вывода о вероятности будущего события, обусловленную в том числе дефицитом фактических данных, целесообразно преодолеть путем прогностического мышления.

Существует ли критерий, которым следует руководствоваться при определении степени вероятности? Анализ оценочных понятий и терминов в уголовном процессе приводит к выводу, что вопросы, связанные с

неоднозначностью законодательных формулировок, должны разрешаться на основании концепции «здравого юридического смысла». [9, с. 4-5; 11, с. 52; 17, с. 28-34] При этом оговоримся, что закрепление последней в законе нецелесообразно, так как это приведет к появлению новых оценочных терминов [7, с. 71]. Вместе с тем «этот подход должен использоваться при определении вероятности обстоятельств, возможность наступления которых является основанием для применения меры пресечения» [16, с. 55].

Здравый смысл – это «совокупность знаний, взглядов об окружающей действительности, навыков, форм мышления обыкновенного нормального человека, используемых в его практической повседневной деятельности. Поэтому здравый смысл называют еще здравым рассудком, практическим рассудком или житейской мудростью» [8, с. 9].

Правовое предопределение ориентации правоприменителя на здравый смысл вытекает из позиций Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, при избрании меры пресечения компетентные органы должны рассматривать вопрос о том, имеются ли разумные основания полагать, что обвиняемый скроется от следствия или суда или будет препятствовать установлению истины (Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 7 апреля 2005 г.). Российский закон ориентирует правоприменителя на закон и совесть (ст. 17 УПК РФ). Указанным критериям, по нашему мнению, должно отвечать любое разумное решение в уголовном судопроизводстве.

Приведем вывод, который применительно к нашей работе следует рассматривать как промежуточный: избрание и применение меры пресечения не ставится в прямую зависимость от уголовно-процессуального нарушения, процессуального статуса и других подобных обстоятельств, «а обуславливается, в первую очередь, достоверным выводом о возможности ненадлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), произведенным на основании оценки с позиций закона, сове-

¹ Исходя из общих философских представлений о вероятности и вероятностной логике.

сти и здравого смысла достаточных для этого доказательств» [16, с. 55-56].

Для подтверждения жизнеспособности данного подхода приведем примеры использования заложенной в нем логики рассуждений, применяемой в следственной и судебной практике. Но для начала обозначим несколько отправных точек.

Отсутствие в законе перечня конкретных данных, которые могут подтверждать наличие оснований для избрания мер пресечения, и фактическое разнообразие данных сведений допускают использовать в качестве таких множество обстоятельств, подтверждающих возможное ненадлежащее поведение обвиняемого. Типичными фактическими данными, подтверждающими намерение обвиняемого скрыться от расследования, суда, являются внезапное приобретение билетов для отъезда, высказывание намерений скрыться, ликвидация социально-экономической и территориальной привязанности, совершение иных подобных действий. Однако в отдельных неординарных ситуациях не всегда хватает стандартных фактов, свидетельствующих о намерении обвиняемого скрыться. При этом речь может идти о совершении преступления, относящегося к тяжким и особо тяжким категориям. Кроме того, решение вопроса об избрании меры пресечения усугубляется дефицитом информации, характерным для начального этапа производства по делу. Не вступая в обсуждение всех нюансов данного аспекта, позволим кратко обозначить свою точку зрения.

Разумным представляется учет тяжести совершенного преступления на начальном этапе, который может быть определяющим при оценке вероятности наступления негативных последствий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а именно тяжесть обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут подтвердить наличие указанного основания на первоначальном этапе производства по уголовному делу. Высокая вероятность уклонения в данном случае объясняется осознанием предстоящего наказания лицом, совершившим преступное деяние, и его желанием избежать ответственности путем не-

надлежащего поведения, в первую очередь с помощью побега. [15, с. 21-25]

Для определения верности приведенных размышлений обратимся к судебной-следственной практике.

ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что тяжесть вменяемого в вину преступления должна учитываться при выводе о том, что лицо может скрыться: «жестокость наказания за совершенное преступление имеет значение при оценке риска того, что лицо скроется от правосудия» (Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 7 апреля 2005 г.); «вид и размер грозившего заявителю (обвиняемому, подозреваемому – А.С.) наказания имеют значение для оценки опасности того, что он скроется от следствия» (Дело Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 1 июня 2006 г.); «суровость возможного приговора является важным фактором при оценке возможности побега» (Дело Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 29 апреля 2010 г.) и др. Более того, ЕСПЧ отмечал, что на начальном этапе производства по делу сведения о тяжести преступления имеют особое значение. «Ввиду тяжести предъявленного заявителю обвинения власти Российской Федерации могли разумно полагать, что подобный риск (лицо скроется от правосудия – А.С.) был изначально установлен» (Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 7 апреля 2005 г.). «Европейский Суд допустил, что подозрения в том, что заявитель совершил тяжкое преступление, могло служить изначально основанием для применения меры пресечения. Европейский Суд согласился, что на начальной стадии разбирательства по делу необходимость обеспечения надлежащего проведения расследования и предотвращения того, что заявитель скроется от правосудия или совершит повторное преступление, могла быть оправданием содержания под стражей» (Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановле-

ние Европейского суда по правам человека от 8 февраля 2005 г.).

Таким образом, согласно позиции ЕСПЧ вероятность наказания в виде лишения свободы на длительный срок определяет возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на начальных стадиях разбирательства. В российской судебной практике также обнаруживаются подобные позиции.

Так, в пп. 5, 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» указывается, что наличие основания для избрания заключения под стражу (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) на первоначальных этапах производства по уголовному делу может быть подтверждено собственно тяжестью предъявленного обвинения и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок. Подобную логику рассуждений используют суды районного и областного уровней.

Например, Краснодарский краевой суд, рассматривая в апелляционном порядке жалобу на постановление Динского районного суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К., оставил жалобу без удовлетворения, а постановление – без изменения. Краевой суд, согласившись с решением районного суда, привел сведения, подтверждающие наличие общих условий, оснований для избрания меры пресечения, обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, а также условий избрания заключения под стражу. При этом в подтверждение наличия оснований использовалось следующее обоснование: «Судом первой инстанции при разрешении

ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К. было принято во внимание, что он подозревается в совершении тяжкого преступления, за которое может быть назначено наказание в виде длительного лишения свободы, и, опасаясь суровости наказания, может скрыться от органов следствия и суда». Таким образом, фактическими данными, подтверждающими наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, являлись подозрение в совершении тяжкого преступления и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, а также осознание подозреваемым суровости наказания (апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 июня 2016 г. по делу № 22-3815/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-550043566>).

В заключение отметим, тяжесть обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут подтвердить наличие основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, на первоначальном этапе производства по уголовному делу. Руководство обозначенным подходом, осуществляемым на основании оценки с позиций закона, совести и здравого смысла достаточных для этого доказательств, может обеспечить повышение эффективности решений правоприменителей при избрании меры пресечения, в том числе заключения под стражу в условиях дефицита информации на первоначальном этапе производства по делу, и в целом может способствовать предотвращению сокрытия от следствия подозреваемых и обвиняемых, численность которых по отдельным оценкам достигает 150 тыс. [4, с. 24].

Библиографический список

1. Ардашкин, В.Д. О принуждении по советскому праву / В.Д. Ардашкин // Советское государство и право. – 1970. – № 7.
2. Буланова, Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений : научно-методическое пособие / Н.В. Буланова ; под ред. д-ра юрид. наук М.Е. Токаревой. – М., 2005.
3. Булатов, Б.Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей / Б.Б. Булатов. – Омск, 1984.
4. Гаврилов, Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37).
5. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. – М., 1964.
6. Мариупольский, Л.А. Применение органами внутренних дел меры пресечения – заключение под стражу / Л.А. Мариупольский. – М., 1972.
7. Марфицин, П.Г. Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя : учебное пособие / П.Г. Марфицин, С.С. Безруков. – Омск, 2001.
8. Мельник, В. Здравый смысл – основа интеллектуального потенциала суда присяжных / В. Мельник // Российская юстиция. – 1995. – № 6.
9. Мельник, В. Здравый смысл в процессе поиска доказательств / В. Мельник // Российская юстиция. – 1995. – № 7.
10. Михайлов, В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В.А. Михайлов. – М., 1996.
11. Пашин, С. Теория формальных доказательств и здравый смысл / С. Пашин // Российская юстиция. – 1996. – № 1.
12. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие : в 2 ч. / под ред. В.М. Лебедева. – 7 изд., перераб. и доп. – М., 2016. – Ч. 1.
13. Рыжаков, А.П. Меры пресечения / А.П. Рыжаков. – М., 1996.
14. Смирнов, В.В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем органов внутренних дел : учебное пособие / В.В. Смирнов. – Хабаровск, 1987.
15. Судницын, А.Б. Значение данных о совершении преступления определенной степени тяжести при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу / А.Б. Судницын // Российский следователь. – 2016. – № 1.
16. Судницын, А.Б. Законность и обоснованность применения меры пресечения в виде заключения под стражу : учебное пособие / А.Б. Судницын, Д.А. Воронов. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014.
17. Томин, В.Т. Уголовное судопроизводство и здравый смысл: брак по расчету / В.Т. Томин // Российский юридический журнал. – 1994. – № 1.
18. Трунова, Л.К. Соблюдение интересов граждан при применении мер уголовно-процессуального пресечения / Л.К. Трунова // Право и политика. – 2002. – № 8.
19. Чувилев, А.А. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: лекция / А.А. Чувилев. – М., 1989.
20. Шерба, С.П. Заключение и содержание под стражей на предварительном следствии / С.П. Шерба, О.И. Цоколова. – М., 1996.